

<https://doi.org/10.18500/0320-961X-2025-22-183-203>
Античный мир и археология. 2025. Вып. 22. С. 183–203.
Ancient World and Archaeology. 2025. No. 22. Pp. 183–203.
<https://ama.sgu.ru/ru>
Научная статья
Article
УДК [[903.23(385):903.57(3)]:902.2(470-13)]:069.5(470.23-25)+929[Кондаков+Шкорпил]

ДВЕ КРАСНОФИГУРНЫЕ ЧАШИ РАБОТЫ МАСТЕРСКОЙ МАСТЕРА ЙЕНЫ ИЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РАСКОПОК В КЕРЧИ¹

А.Е. Петракова

Государственный Эрмитаж, 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 34.

Петракова Анна Евгеньевна, д. иск., с.н.с. Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, petrakova.anna@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-7212-2378>.

Аннотация: в собрании Эрмитажа, в материалах, происходящих из дореволюционных раскопок, имеются краснофигурные аттические чаши, ранее не вводившиеся в научный оборот. Одна, со следами горения, найдена в 1882 г. Н.П. Кондаковым в костище при одном из погребений на хребтах горы Митридат (грунтовый некрополь Пантикопея); чаша склеена им лично из множества фрагментов. Другая происходит из раскопок В.В. Шкорпила 1903 г. – это находка в одной из могил некрополя Мирмекия. Обе чаши следует связать с работами мастерской Мастера Йены: одну – с Мастером Q, другую – со «стилем С».

Ключевые слова: аттические краснофигурные чаши, некрополь Пантикопея, некрополь Мирмекия, Мастер Йены, Мастер Q, аттическая расписная керамика в Боспорских погребениях, Н.П. Кондаков.

Для цитирования: Петракова А.Е. Две краснофигурные чаши работы мастерской мастера Йены из дореволюционных раскопок в Керчи // Античный мир и археология. 2025. Вып. 22. С. 183–203. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2025-22-183-203>.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

TWO RED-FIGURED CUPS BY THE WORKSHOP OF THE JENA PAINTER FROM THE PRE-REVOLUTIONARY EXCAVATIONS IN KERCH

A.E. Petrakova

The State Hermitage Museum, Palace Embankment 34, St. Petersburg, 190000, Russia.

Petrakova Anna Evgen'evna, doct. hab. in art history, senior researcher of the Department of Classical antiquity of the State Hermitage Museum, petrakova.anna@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-7212-2378>.

Abstract: there are two Athenian red-figured cups-skyphoi from the pre-revolutionary excavations in the collection of the Hermitage Museum. The first one

¹ Автор благодарен хранителям Отдела античного мира Д.Е. Чистову за разрешение изучать и публиковать материалы из его хранения и А.Г. Букиной за компьютерную обработку профилей и прорисовок, а также сотрудникам Архива ИИМК за всяческое содействие.

has traces of burning, it was found in 1882 by Nikodim P. Kondakov during excavations of the fire spot near one of the burials on the ridges of the Mithridates Mountain (ground necropolis of ancient Pantikapaion); the cup was assembled from many fragments by Kondakov personally. The second one derives from the excavations of Vladislav V. Shkorpil in 1903; it is an item from one of the burials of the necropolis of ancient Myrmekion. Both cups should be connected with the workshop of the Jena Painter: one – by the Q Painter, the other one – by a painter of the ‘Style C’.

Keywords: Athenian red-figured cups, necropolis of Pantikapaion, necropolis of Myrmekion, the Jena Painter, the Q Painter, Athenian painted pottery in Bosporan burials, Nikodim P. Kondakov.

For citation: Petrakova A.E. Two red-figured cups by the workshop of the Jena painter from the pre-revolutionary excavations in Kerch // Ancient World and Archaeology. 2025. No. 22. Pp. 183–203 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2025-22-183-203>.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В собрании Государственного Эрмитажа (ГЭ) хранятся две почти целые краснофигурные аттические чаши, которые могут быть причислены к работам мастерской Мастера Йены (the workshop of the Jena Painter)². Время ее работы определяют периодом с последних лет V в. до н.э. до начала второй четверти IV в. до н.э. Там работало несколько гончаров и вазописцев, индивидуальную манеру которых можно выделить. Хотя среди изделий этой мастерской известны вазы разных форм, по-видимому, подлинно массовой продукцией были чаши: килики на высокой ножке (тип Б), чаши на низкой ножке (stemless cup, type I–III) и чаши-скифосы (cup-skyphos). Помимо Греции их находят в разных центрах Средиземноморья, от Испании до Турции. Публикация материалов, как из недавних³, так и из старых⁴ раскопок Пантикея позволяет сделать вывод о том, что он был одним из важнейших центров, куда чаши этой мастерской вывозили на продажу. К сожалению, многие найденные в Керчи и окрестностях чаши мастерской Мастера Йены, дошли до нас в виде фрагментов, которые, однако, благодаря аналогиям, позволяют представить, как выглядела целая чаша⁵. Не публиковавшиеся ранее чаши и фрагменты меняют представление о статистике экспорта и обогащают знания о сюжетно-тематическом репертуаре⁶ мастерской Мастера Йены.

Первая чаша (ГЭ, инв. № П.1882.25) передана из Императорской Археологической комиссии (ИАК) с информацией о происхождении из раскопок «жженого тризнища»⁷ на горе Митридат в 1882 г. В тот год усилия ИАК «были направлены на дальнейшие поиски в древних курга-

² Об истории изучения мастерской с библиографией см.: Петракова 2024; Петракова 2025.

³ См.: Тугушева 2023.

⁴ См.: Sidorova, Tugusheva 2001; Петракова 2025.

⁵ См., например, 67 фрагментов из раскопок Пантикея в 1867–68 и 1875 гг.: Петракова 2025.

⁶ См., например: Paul-Zinslerling 1994.

⁷ Инвентарь: Разв. 21.

нах и пепелицах в окрестностях Керчи <...> доследование “Малой Близницы” Таманского полуострова <...> продолжение курганных работ близ Анапы». В Керчи и окрестностях, где в 1882 г. производил раскопки директор Керченского музея древностей С.И. Веребрюсов, «в виду сильно распространившегося там тайного кладоискательства <...> Комиссия призвала нужным усилить раскопки», дабы «предупредить разхищение тамошних гробниц и сбыт древностей за границу». С этой целью туда был командирован Н.П. Кондаков, уже «производивший там раскопки в 1878 г.»⁸. Хотя главное внимание он обратил «на любопытную и еще малоисследованную в археологическом отношении местность около селения Баксы», где «расследован им большой курган»⁹, в центре города он тоже работал. Там им были произведены раскопки «на хребтах, составляющих продолжение Митридатовой горы и известных под именами: “Сахарной Головы” и “Долгой Скалы”»¹⁰, по их склонам и в долине между ними, а также на хребтах и в долине за «Долгой скалой», поскольку Кондаков желал понять «как далеко простирается пантикопейский некрополь на запад»¹¹. Раскопать удалось земляные гробницы и катакомбы «отчасти крайне бедные, отчасти разоренные», в них были найдены глиняные и стеклянные сосуды, изделия из бронзы и железа, монеты¹², которые, конечно, не могли сравниться с находками в «Малой Близнице» и у Баксы. Не удивительно, что в отчете о работах за 1882 г. раскопки Кондакова на Митридате охарактеризованы, как не очень успешные, а предметы из них – как относящиеся «к числу самых общеизвестных»¹³. Именно из материалов этих раскопок и происходит наша чаша. Речь идет о хорошо сохранившейся каменной гробнице, в которой обнаружили погребение с более поздним подзахоронением второго покойника в деревянном гробу с росписями. Помимо часто встречающихся в пантикопейских погребениях аттических ваз (краснофигурной пелики с изображением битвы амазонки с грифоном и чернофигурных лекифов с пальметтами и без), там также были найдены бронзовое зеркальце, золотые бусины (ГЭ, инв. № П.1882.33), серебряный перстень «со стеклянной печатью, изображающей вакханку» (ГЭ, инв. № П.1882.34). Наша чаша найдена не в могиле, а в «большом кострище, подошва которого была покрыта обломками семи различных сосудов, крытых черным лаком, и одной алабастриды, остатками бронзовых украшений в виде венка и костями жертвенных животных»¹⁴. Не удивительно, что чаша сохранилась плохо: туло и ручки склеены из множества фрагментов, несколько кусочков дна и почти весь кольцевидный поддон утрачены, по-

⁸ Васильчиков 1891: III. О раскопках Н.П. Кондакова на службе в ИАК см.: Виноградов 2024.

⁹ Васильчиков 1891: IV.

¹⁰ Васильчиков 1891: IX.

¹¹ Васильчиков 1891: X. Об истории изучения грунтового некрополя Пантикопея с библиографией см.: Цветаева 1951.

¹² Васильчиков 1891: IX-X.

¹³ Васильчиков 1891: X-XI.

¹⁴ Васильчиков 1891: XI.

верхность сильно потерта, некоторые фрагменты изменили цвет. Тем не менее, председатель ИАК А.А Васильчиков, в докладе о раскопках в 1882 г. отметил: «из сосудов, сильно пострадавших от огня, кроме килика с оттиснутыми на дне его орнаментами, ламп с изображением грифона и сфинкса, и блюда с изображением рыб, наиболее любопытною оказалась чашка с двумя ручками, рисунок которых [sic!] представляет четырех [sic!] эфебов и гимнасиарха». Отмечу, что из самого погребения в Эрмитаж были переданы разные вещи, а из костища, по-видимому, только чаша¹⁵. Изучение рукописного «донесения» Н.П. Кондакова о проведенных им с 26 мая по 23 августа 1882 г. «археологических изысканиях в окрестностях города Керчи», хранящегося в архиве ИИМК¹⁶, показывает, что Васильчиков, за исключением некоторых стилистических правок, буквально повторяет текст из донесения Кондакова. Так, например, в оригинальном тексте Кондакова написано: «в большом жженом тризнище», потом «жженом тризнище» зачеркнуто, вместо этого приписано карандашом «костище». Очевидно, что именно исправленный вариант попал в печатный отчет. Соответственно, ошибка в количестве «эфебов» (на самом деле их пять, а не четыре) принадлежит ему, в отличие от опечатки¹⁷. В сравнении со вниманием, которое Кондаков уделил описанию обломков краснофигурного кратера, обнаруженного в насыпи баксинского кургана (ГЭ. И nv. № Бак.8)¹⁸, находки из погребений на Митридате описаны им кратко. Тем не менее, наша чаша вызвала у Кондакова очевидный интерес. Он даже специально отметил его в письме А.А. Васильчикову от 20 июня 1882 г.¹⁹ Характеризуя раскопки на горе Митридат, как, в целом, «мало интересные [sic!】», он указал: «Более интереса представил один жженый точек с вещами более раннего стиля: одна вазочка из ряда киликов, хотя вся сожженная и разбитая в мелкие куски, представлен рисунок из сцен гимнастических упражнений, не совсем обыкновенный. Она мною склеена»²⁰. Эта чаша – ценный для нас пример дореволюционной реставрации античного керамического сосуда, в отношении которого нам доподлинно известны год и имя реставратора, причем это – член ИАК, а не «керченский мещанин», вроде Спиридона Колковского или Самуила Петренко, кото-

¹⁵ См.: «Опись древним вещам, найденным при производстве Археологических розысканий в окрестностях Керчи, Членом Археологической Комиссии Н.П. Кондаковым, в 1882 г.». Она подписана: «Помощник Директора Керченского Музея древностей художник Гросс» и имеет приписку: «Означенные по сей описи предметы принял 17-го ноября 1882 г. Кизерицкий». Всего в описи 17 позиций, среди которых есть изделия из золота, терракотовые статуэтки, амфорные ручки с клеймами, находки из кургана у с. Баксы, а под № 8 значится «Чашка с рисунком (в обломках) из жженого точка, на южной стороне горы Митридат». Архив ИИМК 1882: Л. 18–18об.

¹⁶ Архив ИИМК 1882: Л. 19–26об.

¹⁷ В оригинальном тексте написано: «чашка с двумя ручками, рисунок которой». Архив ИИМК 1882: Л. 26.

¹⁸ Архив ИИМК 1882: Л. 22об–23об.

¹⁹ Архив ИИМК 1882: Л. 13–14об.

²⁰ Архив ИИМК 1882: Л. 13об.

рым платили и «за раскопку гробниц», и за «склейку древней посуды»/«склейку разбитых разных древних сосудиков», в большинстве случаев не уточняя количество ваз и степень сложности работ²¹.

Найденная в 1882 г. Н.П. Кондаковым чаша достаточно глубокая, на кольцевидном поддоне; профилированный венчик четко отделен от туловища внутри и снаружи; ручки слегка возвышаются над туловищем (рис. 1 - 1). Сохранившаяся высота чаши составляет 7,3 см (утрачен кольцевидный поддон, высота которого обычно около 1 см), диаметр венчика – 15,4 см (с ручками 22,4 см); сохранившийся диаметр в верхней части поддона – ок. 7 см. Такую форму называют чашаскифос (cup-skyphos). Хотя форма характерна для двух мастерских первой четверти IV в. до н.э. – Мастера Йены и Мастера Мелеагра – «большинство, несомненно, относятся к работам мастерской Мастера Йены»²². В зависимости от размеров и особенностей профиля чашаскифосы могут быть определены, как продукция среднего или позднего периода работы этой мастерской²³. Наша соответствует тем, которые характерны для среднего периода (высота 8,1–8,5 см, диаметр венчика 15–15,5 см), размеры чаш позднего периода меньше, так что число фигур в композиции естественным образом сокращается на них с трех до двух, пальметты становятся более простыми²⁴. При этом, как и в случае с чашами на низкой ножке (stemless cup) «необходимо отметить, что те из них, которые атрибутированы [на основе рисунка фигур – А.П.] Мастеру Диомеда и Мастеру Q, судя по размерам и орнаментальному декору, очевидно, являются не поздними работами, даже несмотря на невысокий уровень рисунка, который может привести к ошибочным выводам»²⁵.

Обе стороны нашей чаши украшены композицией из трех фигур. На стороне А (рис. 1 - 2; рис. 2 - 1) в центре изображен усатый и бородатый мужчина, ориентированный влево; он представлен в профиль, все его тело скрыто плащом, за исключением кисти правой руки, выставленной вперед ладонью от себя, как если бы он обращался к стоящему слева юноше. Юноша этот ориентирован вправо в профиль, он обнажен, стоит, сомкнув прямые ноги вместе, слегка наклонив корпус вперед и вытянув вперед и вниз обе руки. Справа от мужчины в плаще представлен еще один обнаженный юноша, он ориентирован влево в профиль, правая нога прямая, левая чуть согнута в колене, пятка не касается земли; в руках у него большой стригиль. На стороне Б (рис. 1 - 3; рис. 2 - 3) все персонажи – это обнаженные юноши. В центре представлен юноша, стоящий в три четверти вправо, голова при этом – в полный профиль влево. Его поза напоминает позу Дорифора, благодаря хиазму и контрапосту: левая нога прямая, на нее перенесен вес тела, правая чуть согнута в колене и отставлена в сторону; левая рука прямая, опущена

²¹ Архив ИИМК 1903: Л. 162об, 189, 194, 295 и проч.

²² Καθάριου 2002: 26.

²³ Καθάριου 2002: 25–26; Kathariou 2016: 149–150.

²⁴ Καθάριου 2002: 26.

²⁵ Καθάριου 2002: 24.

вниз, правая согнута в локте и поднята так, что пальцы ориентированы к лицу юноши. Слева от него полностью вправо в профиль представлен еще один юноша: он стоит прямо, его руки вытянуты вперед и вниз, правая – на уровне груди, левая – на уровне бедра; вес перенесен на левую ногу, правая чуть согнута в колене и слегка отставлена назад. Справа в композиции представлен юноша, ориентированный влево в профиль: он стоит на левой ноге, правая согнута в колене и поднята, обе руки протянуты к щиколотке, как если бы юноша завязывал сандалию, что вызывает ассоциации со знаменитой Никой с балюстрады у храма Ники Аптерос в ансамбле Афинского акрополя²⁶. Краснофигурная роспись дополнена белой краской: ей нарисованы венки на головах у всех персонажей (лучше сохранились на стороне Б), а на стороне Б (между правым и центральным юношами) еще и дискообразный элемент со свастикоподобным крестом. Аналогичный элемент, но лучшей сохранности, можно видеть на фрагменте из раскопок Пантикалея в 1867–68 гг., хранящемся в Эрмитаже (ГЭ, инв. № П.1867/68.548)²⁷. Хотя поверхность росписи сильно повреждена, под ней хорошо просматривается достаточно подробный предварительный рисунок, линии которого в целом соответствуют нарисованным поверх фигурам (рис. 2 -2, 4). Пространство под ручками и по сторонам от них украшено композицией из трех пальметт с волютообразными завитками под круглой сердцевиной (рис. 2 -5, 6); эти композиции одинаковы, за исключением нескольких мелких деталей. Внутри поверхность чаши покрыта черным лаком. Венчик украшен стилизованной ветвью плюща (рис. 3 -1), в которой стебли и грозды выполнены белой краской поверх лака, а листья представляют собой не закрашенные участки поверхности, оставшиеся в цвете глины. Медальон декорирован при помощи штампованных орнамента, в котором пояски с овами чередуются с поясками с пальметтами (рис. 3 -2).

По размерам, форме и росписи чаша находит убедительные аналогии среди изделий, атрибутированных Мастеру Q. Декор из крайне близких пальметт с круглыми сердцевинами характерен для многих чащ, отнесенных к работам этого вазописца, как на высокой ножке (тип Б)²⁸, так и на кольцевидном поддоне²⁹. Трехфигурная композиция на сторонах регулярно встречается на атрибутированных Мастеру Q чащах на низкой ножке и чащах-скифосах³⁰. Пропорции и трактовку деталей обнаженных тел, типы лиц, рисунок причесок с венками, выполненными поверх росписи белой краской, можно сравнить с аналогичными элементами росписи чаши-скифоса инв. № 1978,0411.14 в

²⁶ Сходство поз некоторых персонажей на вазах мастерской Мастера Йе-ны с известными скульптурами V в. до н.э. отмечены ранее, см.: Петракова, Топал 2023: 232.

²⁷ Петракова 2025: рис. 5 -2.

²⁸ BAPD 231062, 231063, 231065, 231070, 231071 и др.

²⁹ BAPD 231074, 231077, 231079, 231089 и др.

³⁰ BAPD 8511, 28746, 28748, 28749, 28871, 31840, 231077, 231079, 231080, 231089, 231090.

Британском музее³¹, чаш-скифосов в Музее П. Гетти в Малибу инв. № 79.AE.200³² и 79.AE.201³³. Левый юноша на стороне Б нашей чаши может быть сопоставлен (зеркально) с юношой справа от Ники на чаше-скифосе инв. № 79.AE.202 в музее П. Гетти в Малибу³⁴. Юноша в центре стороны Б, за исключением положения его левой руки, может быть сопоставлен с юношой на фрагменте из раскопок в Пантиканее в 1867–68 гг. (ГЭ, инв. № П.1867/68.607)³⁵. На другом фрагменте из раскопок тех же лет (ГЭ, инв. № П.1867/68.643)³⁶ с соответствующими элементами фигуры этого юноши могут быть сопоставлены голова, торс и правая рука. Не очень обычно лишь то, что юноши на нашей чаше полностью обнажены и не держат в руках даже плащей, в то время как в аналогиях плащ, перекинутый через локоть, присутствует. Также бородатый мужчина на нашей чаше полностью закутан в плащ, в то время как в аналогиях бородатые мужчины обнажены, как и юноши. Вероятно, на нашей чаше эти обстоятельства объясняются представленными сценами: как совершенно справедливо отметил еще в 1882 г. Н.П. Кондаков, представлены спортсмены, и, вероятно, тренер; плащ во время выполнения упражнений им не нужен. Орнамент на донышке снаружи (рис. 3 -3) можно назвать идентичным тому, который украшает донышко упомянутой выше чаши в Британском музее, также его можно сравнить на чашах, расписанных в «стиле С» и на чернолаковых³⁷. Орнамент на внутренней стороне венчика является типовым для чаши этой мастерской, его можно видеть на множестве других чащ и фрагментов, но наиболее близок он именно на чашах, атрибутированных Мастеру Q. Штампованный орнамент сложнее, чем тот, которым обычно украшены чаши этой мастерской³⁸, хотя и составлен из характерных элементов: поясков с овами и композиций из пальметт. В центре композиции – окружность, вокруг нее – поясок с овами, вокруг него, очевидно, пять (сохранилось три) пальметт, соединенных стеблями, далее – еще один поясок с овами, потом поясок с пальметтами и еще один поясок с овами. Декор на нашей чаше сопоставим с композициями на вазах разных форм, которые считаются созданными в конце V – начале IV вв. до н.э.³⁹ Так же необычными можно назвать несколько фигур в росписи: юноша, завязывающий сандалию,

³¹ Beazley 1963: 1520, no 30; Ure 1944: pl. I; Кафароу 2002: 257, JEN 144; BAPD 231089; https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1978-0411-14.

³² BAPD 28748; <https://www.getty.edu/art/collection/object/103TR7>; Петракова 2025: Рис. 5 -б.

³³ BAPD 28871; <https://www.getty.edu/art/collection/object/103TR9>; Петракова 2025: Рис. 6 -в.

³⁴ Beazley 1963: 1520, no 30; BAPD 28746;
<https://www.getty.edu/art/collection/object/103TRA>.

³⁵ Петракова 2025: рис. 1 -з.

³⁶ Петракова 2025: Рис. 6 -б.

³⁷ Kathariou 2016: 150, fig. 1–2; 151, fig. 3.

³⁸ На большинстве чащ этой мастерской декор состоит из одного-двух поясков с овами и одного пояска с пальметтами. См. примеры: Ure 1944: pl. VI–VII.

³⁹ Ср., например: Sparkes, Talcott 1970: 128–129; pl. 57, no 780, no 789.

и наклонившийся вперед юноша, вытягивающий вперед руки (как если бы он собирался нырнуть в воду), не являются типовыми фигурами, в отличие от остальных, которые находят многочисленные аналогии на чашах, атрибутированных этой мастерской. Тем не менее, юношу, заставляющему сандалию, представленного в очень похожей позе, но, очевидно, гораздо более искусно нарисованного, можно видеть, например, на фрагменте инв. № 0509 в музее Йенского университета, который отнесен Бизли к работам самого Мастера Йены и определен Катариу, как пример изделия раннего периода деятельности мастерской⁴⁰. Возможно, и у вытянувшего руки юноши с нашей чаши имеется прототип на более ранних по времени изделиях мастерской.

Дж. Бизли охарактеризовал Мастера Q как вазописца, расписывавшего преимущественно чаши. По словам Дж. Бордмана «Мастер Диомеда – компаньон Мастера Йены (если это не один и тот же художник), а Мастер Q – единственный другой вазописец, расписывавший чаши в те же годы, которого вообще можно выделить»⁴¹. Он работал «самостоятельно»⁴², однако испытывал очевидное влияние Мастера Йены и его круга: оно выражается то в сюжетно-тематическом репертуаре, что в орнаментах внутри и снаружи чащ, что в использовании определенных типовых поз, жестов, костюмов, композиций. Даже сам Бизли по поводу одной из чащ пребывал в раздумьях: роспись внутри очень похожа на росписи Мастера Йены, «но я не уверен, что рука та же самая: я думаю, что скорее это [рука] Мастера Q»⁴³. В настоящее время Мастера Q определяют, как «мастера чащ, который был, вероятно, частью мастерской Мастера Йены» и чья работа была «обильна, но не высокого качества»⁴⁴. По мнению М. Робертсона вазы, атрибутированные Мастеру Q, «показывают продолжение стиля Мастера Йены в более слабой и менее интересной форме», более того, «нет ничего невозможного в том, чтобы считать [эти росписи] последней фазой самого Мастера Йены. В любом случае, они являются наиболее поздней продукцией той же самой мастерской»⁴⁵. С этим утверждением в случае с рассмотренной чашей можно и спорить: по форме, трехфигурной композиции и гораздо более разнообразным фигурам она, очевидно, относится к примерам работы мастерской конца раннего – начала среднего периода, а не позднего.

Вторая чаша, о которой идет речь в этой статье (ГЭ, инв. № П.1903.142), передана из ИАК в 1906 г., о чем имеется указание в инвентаре⁴⁶. Чаша происходит из раскопок В.В. Шкорпила, на тот момент – заведующего Керченским музеем древностей. В Керчи в 1903 г. он

⁴⁰ Beazley 1963: 1513, no 33; Кафарю 2002: 245, JEN 40; BAPD 230989.

⁴¹ Boardman 1989: 169–170.

⁴² Paul-Zinserling 1994: 12.

⁴³ Beazley 1963: 1521.

⁴⁴ Информация о вазописце на сайте Британского музея:
<https://www.britishmuseum.org/collection/term/BIOG60195>.

⁴⁵ Robertson 1992: 270

⁴⁶ Инвентарь: Разв. 69.

производил раскопки на северном склоне горы Митридат, на берегу Керченской бухты, на Глинище, а также, с 4 августа по 12 ноября, он исследовал «ряд древних могил» «на площади между новым карантином и Керченским металлургическим заводом»⁴⁷, «недалеко от того места, где находился древний город Мирмикий [sic!]»⁴⁸. Именно оттуда и происходит наша чаша. В рукописном отчете В.В. Шкорпила «об археологических раскопках в городе Керчи и его окрестностях в 1903 г.»⁴⁹, помимо прочего указано, что на этом участке «работы были предприняты отчасти с тою целью, чтобы спасти от рук кладоискателей, которые здесь ходили в течение последняго десятилетия, хотя бы незначительную долю древних вещей и памятников старины, отчасти же для того, чтобы внести какую-нибудь новую черту в историю давно погибшаго древняго города. Результаты раскопок не оправдали возлагавшиеся на них ожидания, но подтвердили предположение, что древний Мирмекий не чеканил особых монет, находясь и в этом отношении в полной зависимости от Пантикеапея»⁵⁰. После описания типов могил, следует описание найденных при раскопках предметов, которые указывают, что «некрополь близ Мирмикия относится приблизительно к V-III в. до Р.Хр.». Среди сосудов из глины перечислены «краснофигурные лекифы, украшенные пальметками, поясками, различными животными», «клетчатые лекифы» (т.е. сетчатые), чернолаковые сосуды. Будучи примером часто встречающихся в раскопках в окрестностях Керчи аттических ваз, они не удостоились внимания, в отличие от краснофигурных лекифа с «сидящей женщиной» (с необычно пышным растительным орнаментом, ее окружающим) (ГЭ, инв. № П.1903.138) и пиксиды «с изображением на крышке юноши» (ГЭ, инв. № П.1903.144), обе эти вазы воспроизведены⁵¹. Наша чаша и пелика «с изображением грифона, сражающегося с амазонкой, и двух фигур в гиматиях»⁵² не удостоены фотографии. Возможно, это связано с тем, что подобные изделия находили тогда в Керчи и окрестностях ежегодно и по несколько экземпляров за год. Чаша описана в более подробном отчете о раскопках, в инвентаре могилы № 360 (20), которая представляла собой высеченную в скале гробницу, покрытую плитами. В ней был обнаружен сильно истлевший костяк, ориентированный головой на восток, а в ногах у него – «чернолаковый килик с красными фигурами»⁵³ и орнаментом как с наружной, так и с

⁴⁷ Шкорпил 1906: 43.

⁴⁸ Шкорпил 1906: 52. Подробно об истории изучения некрополя Мирмекия с библиографией см.: Витягин 2022.

⁴⁹ Архив ИИМК 1903: Л. 323–386.

⁵⁰ Архив ИИМК 1903: Л. 324–324об.

⁵¹ Шкорпил 1906: 53, рис. 93 и 94. Также воспроизведены в подробном отчете о раскопках: Шкорпил 1905: 71, рис. 38; 75, рис. 39. Обе вазы хранятся в Эрмитаже.

⁵² Шкорпил 1906: 53.

⁵³ Описание краснофигурного килика, как «чернолакового» или «черного с красными/ желтыми фигурами» характерно для описаний тех лет, равно как и описание чернофигурных ваз, как «желтых с черными фигурами».

внутренней стороны, с отбитыми ручками; часть орнамента и повязки на головах фигур сделаны из белой краски». Помимо этого «найдены обломки трех чернолаковых арибаллов, разбросанные по всему ящику; на арибалле, лежавшем возле левого плеча, было, кажется, изображение гуся или лебедя»⁵⁴. То же описание могилы и килика, в котором обязательно фигурируют отбитые ручки и белые повязки на головах, имеется в рукописном отчете⁵⁵ и в рапорте В.В. Шкорпила в ИАК № 121 от 24 ноября 1903 г.⁵⁶ При этом любопытно, что цитируя свой собственный отчет в «выписи [sic!] из дневника раскопок» от 16 августа 1903 г. Шкорпил описывает килик как «чернолаковый с красными фигурами», а в самом рапорте, который сопровождает ящик с предметами, посыпаемый в ИАК, он называет его «краснофигурный килик с изображением четырех фигур и орнаментом»⁵⁷.

Не удивительно, что, в отличие от первой чаши в этой статье, происходящей из тризыны, вторая сохранилась столь хорошо, ведь она была помещена в могилу. То, что утрачена верхняя часть обеих ручек и частично стерлась белая краска – не в счет. Высота этой чаши – 6,7 см, диаметр венчика 13,4–13,6 см, диаметр кольцевидной базы 6,7 см. Размеры и профиль (рис. 4 -1) позволяют сопоставить ее с изделиями позднего периода работы мастерской Мастера Йены, высота которых – 6,5 см, а диаметр 12,5–13,5 см⁵⁸. Как характерно для чаш этого времени, орнамент проще, а стороны украшены композициями лишь из двух фигур. На стороне А (рис. 4 -2; рис. 5 -1) представлен обнаженный юноша, шагающий влево и оборачивающийся назад. Его правая нога согнута в колене и выставлена вперед, на нее перенесен вес тела; левая нога почти прямая, отставлена далеко. Левая рука согнута в локте и обращена вверх, она скрыта плащом, свисающим вдоль левой стороны тела; правая рука опущена вниз и частично перекрывает пальметту у ручки. Справа представлен спокойно стоящий с ногами на ширине плеч второй юноша, он тоже обнажен, вокруг его левой руки обмотан плащ, но очертания руки видны – он упирает ее в бок (рис. 5 -6). Правая рука чуть согнута в локте и вытянута вперед, в руке стригиль. Между юношами как бы висящим на стене представлен арибалл. Белой краской нарисованы пять ремешков на арибалле, венки или диадемы на головах юношей. На стороне Б (рис. 4 -3; 5 -2) слева представлен нагой юноша, шагающий влево, оборачиваясь назад. Поза аналогична той, что у левого юноши на стороне А, только у этого юноши нет плаща, левая рука видна полностью, она сильнее вытянута вправо, в руке стригиль. Такая поза характерна для целого ряда изделий мастерской Мастера Йены: от тех, которые следует связать с лучшими рисовальщиками (Мастер Йены, Мастер Диомеда), до

⁵⁴ Шкорпил 1905: 73.

⁵⁵ Архив ИИМК 1903: Л. 388.

⁵⁶ Архив ИИМК 1903: Л. 147–147об.

⁵⁷ Архив ИИМК 1903: Л. 147.

⁵⁸ Καθάριου 2002: 25–26; Kathariou 2016: 149–150.

тех, которые ассоциируют с именем Мастера Q⁵⁹. Справа стоит женщина в длинном хитоне и гиматии, ступни почти не видны, левая рука полностью скрыта, правая рука видна ниже локтя, она протянута вперед и чуть вниз. Длинные волосы собраны в узел на затылке (рис. 5 -5). Белой краской, которая на этой стороне чаши видна хорошо, нарисованы диадемы на головах юноши и женщины, а также две ленточки поверх пучка волос у женщины. Пространство под ручками и по сторонам от них украшают почти идентичные композиции (рис. 5 -3,4). Они состоят из трех вертикально ориентированных пальметт, соединенных стеблями с волютообразными завитками и листиками. Венчик, как и у первой чаши, украшен стилизованной ветвью плюща (рис. 6 -1), в которой стебли и грозди выполнены белой краской поверх лака, а листья представляют собой не закрашенные участки поверхности, оставшиеся в цвете глины. Медальон декорирован при помощи штампованныго орнамента (рис. 6 -2): обрамление представляет собой поясок с овами, внутри находится композиция из пяти пальметт расположенная вокруг кольца, внутри которого – меньшее кольцо с несколькими произвольно оттиснутыми в овами. Роспись донца снаружи (рис. 6 -3) характерна для многих чаш этой мастерской.

Орнаменты и фигуры вызывают ассоциации с чашами, атрибутированными в качестве изделий мастерской Мастера Йены, атtestованных Дж. Бизли, как расписанные в «стиле С». Этот стиль охарактеризован ученым, как «грубый, характерной чертой которого является использование толстых змеевидных (thick snake-like) коричневых полосок для обозначения краев гиматиев», но, в то же время он – «близко связан со стилем Б»⁶⁰. А «стиль Б» в свою очередь – это росписи на сторонах чаш, медальон которых нередко атрибутирован самому Мастеру Йены. При этом работы ведущего вазописца – «легкие и красивые (light and pretty) рисунки, выполненные тонкими линиями, главным образом, но не исключительно, внутри чаши». Росписи же снаружи чащ «гораздо чаще выполнены в грубом, торопливом (rough, hasty) стиле, толстыми линиями». При этом Бизли отмечает, что эти более грубые росписи тоже могут быть выполнены рукой Мастера Йены⁶¹. Складывается впечатление, что окончательной ясности по поводу того, как именно разделять внутри выделенной мастерской индивидуальные манеры разных вазописцев не было и у самого Дж. Бизли. В любом случае, аналогии к нашей чаше находятся среди изделий, определенных им, как росписи «стиля С» из мастерской Мастера Йены, вероятно, речь идет о сотрудниках мастерской, подражавших как в композициях, так и в использовании определенных типов фигур и орнаментов, а также в трактовке деталей работам ведущего вазописца, подобно тому, как это делали во многих мастерских с древних времен и до Нового времени. Фигуры на чаше из тризны можно, вслед за Кондаковым, интерпретировать, как изображение атлетов и трене-

⁵⁹ См., например: Петракова 2025: рис. 10 -а-г; рис. 13 -ж.

⁶⁰ Beazley 1963: 1511.

⁶¹ Beazley 1963: 1510.

ра. Фигуры же, представленные на этой чаше, сложно интерпретировать; это, скорее, некие типичные представители той или иной социальной группы, чем участники какой-либо «сцены повседневной жизни», происходящей внутри сооружения или на улице⁶².

Детали пальметты, расположенной под ручкой, включая все листики и спиралевидные завитки, весьма похожи на те, что имеет аналогичная пальметта на фрагментированной чаше-скифосе инв. № 0452 в собрании Йенского университета⁶³. Пальметты со всеми спиралевидными завитками, листиками и прочими деталями похожи на те, что украшают фрагментированную чашу-скифос инв. № 485 в том же собрании⁶⁴. Сходную трактовку орнамента, обнаженного тела, руки со стригилем, драпировок можно видеть на фрагменте чаши типа Б с инв. № 404 в собрании университета в Грайфсвальде⁶⁵. Трактовку правой руки со стригилем, рисунок складок плаща, обернутого вокруг левой руки и спадающих вдоль левого бока у нашего юноши на стороне А можно сравнить с той, что имеет юноша в медальоне фрагмента килика типа Б, с инв. № 0472 в Йенском университете⁶⁶. Прическа женщины на стороне Б нашей чаши может быть сопоставлена с прической женщины на фрагменте чаши-скифоса инв. № 0456 в Йене⁶⁷, а прическа женщины и изображение арибала – на фрагменте чаши-скифоса инв. № 0460, хранящемся там же⁶⁸. Все названные чаши отнесены Бизли к изделиям «стиля С», а Катариу – к работам среднего периода деятельности мастерской. Поза левого юноши, перекрывающего пальметту, трактовка его тела и лица, детали пальметты на фрагменте с инв. № 0462 в Йене⁶⁹ похожи на аналогичные детали на обеих сторонах нашей чаши. Трактовка тел обнаженных юношей, рука со стригилем, арибалл на стене, плащ, обернутый вокруг левой руки и спадающий складками вниз на стороне А нашей чаши могут быть сопоставлены с аналогичными элементами на фрагменте чаши-скифоса инв. № 0458 в Йене⁷⁰. Композиция из двух фигур, ориентированных друг к другу на некотором расстоянии, профили юношей, стригиль, пальметты со слегка выступающим центральным лепестком на нашей чаше могут быть сопоставлены с теми, что сохранились на фрагменте инв. № 0464 в Йене⁷¹. На фрагменте чаши-скифоса инв.

⁶² См. подробнее: Paul-Zinserling 1994: 122–123.

⁶³ Beazley 1963: 1514, no 54; Paul-Zinserling 1994: Taf. 27 -1; Καθάριον 2002: 254, JEN 118; BAPD 231010.

⁶⁴ Beazley 1963: 1515, no 60; Paul-Zinserling 1994: Taf. 24; Καθάριον 2002: 255, JEN 124; BAPD 231016.

⁶⁵ Beazley 1963: 1514, no 45; Καθάριον 2002: 246, JEN 52; BAPD 231001.

⁶⁶ Beazley 1963: 1514, no 46; Καθάριον 2002: 246–247, JEN 53; BAPD 231002.

⁶⁷ Beazley 1963: 1515, no 61; Paul-Zinserling 1994: Taf. 25 -1; Καθάριον 2002: 255, JEN 125; BAPD 231017.

⁶⁸ Beazley 1963: 1515, no 62; Paul-Zinserling 1994: Taf. 25 -2; Καθάριον 2002: 255, JEN 126; BAPD 231018.

⁶⁹ Beazley 1963: 1514, no 56; Καθάριον 2002: 255, JEN 120; BAPD 231012.

⁷⁰ Beazley 1963: 1514, no 55; Καθάριον 2002: 254, JEN 119; BAPD 231011.

⁷¹ Beazley 1963: 1515, no 64; Καθάριον 2002: 256, JEN 128; BAPD 231020.

№ 0461 в Йене можно видеть очень похожий арибалл⁷². Все перечисленные фрагменты описаны Бизли и Катариу, как изделия «стиля С». Также пальметты, трактовку лиц и фигур, арибалл можно сравнить на фрагментированной чаше-скифосе инв. № М-271 из находок на горе Митридат 1949 г. в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина⁷³; она определена О.В. Тугушевой, как изделие «стиля С». Орнамент на венчике внутри нашей чаши и штампованный орнамент в медальоне вполне характерны для изделий мастерской Мастера Йены.

В отличие от первой чаши, единственное упоминание которой в печати сводится к процитированному описанию в Отчете ИАК за 1882 г., вторая чаша может быть признана частично опубликованной. Когда Анни Юр писала статьи о штампованных орнаментах внутри аттических чащ конца V – первой четверти IV вв. до н.э., она собирала фотографии экспонатов из разных музеев мира. «Я не видела чаши в Эрмитаже, – писала исследовательница, – но мисс Анна Передольская исключительно любезно прислала мне фотографии штампованного орнамента и одной из наружных сторон каждой чаши»⁷⁴. Это – три цельные чаши, поступившие в Эрмитаж из частных собраний⁷⁵, а также целая (ГЭ, инв. № Пан.198)⁷⁶ и две фрагментированные, с указанием «из Керчи». Одна из фрагментированных – это наша чаша, в статье воспроизведены фотографии медальона и стороны Б⁷⁷. Юр не рассуждала о росписи, лишь указала, что штампованный орнамент может быть сопоставлен с орнаментом на чаше из погребения № 61 в Мариионе на Кипре: «схема одинакова на обеих чашах, но общий вид штамповки весьма различен, на эрмитажной чаше она аккуратная и четкая (*neat and sharp*), с отчетливо прорезанными кругами и очень маленькими овами, а на чаше с Кипра – неаккуратная и размытая (*untidy and blurred*)»⁷⁸. В целом такой тип штампованного орнамента сопоставлен Юр с орнаментами, украшающими чаши, атрибутированные работавшим в те же годы Мастеру Миллина и Мастеру Мелеагра. Мы же можем добавить к этому, что по особенностям формы и декора наша чаша-скифос соотносится с изделиями конца среднего – начала позднего периода работы мастерской Мастера Йены, теми, что расписаны в «стиле С».

Литература/References

Архив ИИМК РАН. 1882. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19.

Архив ИИМК РАН. 1903. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19.

Васильчиков А. 1891. Доклад о действиях Императорской Археологической Комиссии за 1882 г. // Отчет ИАК за 1882–1888 гг. СПб. С. I–XXIV [Vasil'chi-

⁷² Beazley 1963: 1515, no 63; Καθάριον 2002: 255–256, JEN 127; BAPD 231019.

⁷³ Sidorova, Tugusheva 2001: 57–58, pl. 34 -1–3: BAPD 9004142.

⁷⁴ Ure 1944: 70, footnote 6.

⁷⁵ См. об этом: Петракова 2025.

⁷⁶ Stephani 1869: 432–433, Kat. 2094; Ure 1944: 74, no 41, pl. VI -41.

⁷⁷ Ure 1944: 69, fig. 5; 70, cat 9; pl. VI -9.

⁷⁸ Ure 1944: 70.

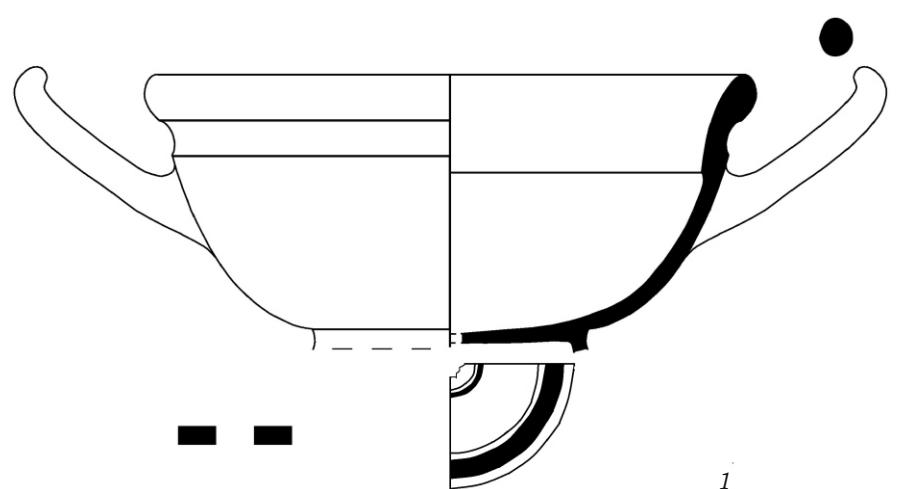
- kov A.* 1891. Doklad o deystviyakh Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii za 1882 g. // Otchet IAK za 1882–1888 gg. Sankt-Peterburg. S. I–XXIV].
- Виноградов Ю.А.* 2024. Н.П. Кондаков и Императорская Археологическая Комиссия // Сохраняя российское и мировое культурное наследие. 165 лет императорской археологической комиссии. СПб. С. 14–25 [Vinogradov Yu.A. 2024. N.P. Kondakov i Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya // Sokhranyaya rossiyskoe i mirovoe kul'turnoe nasledie. 165 let imperatorskoy arkheologicheskoy komissii. Sankt-Peterburg. S. 14–25].
- Петракова А.Е.* 2024. Редкий краснофигурный скифос из мастерской Мастера Йены в собрании Эрмитажа // Сим победиши. Сб. ст. к 75-летию Г.В. Вилинбахова. СПб. С. 437–455 [Petrakova A.E. 2024. Redkiy krasnofigurnyy skifos iz masterskoy Mastera Jeny v sobranii Ermitazha // Sim pobedishi. Sb. st. k 75-letiyu G.V. Vilinbakhova. Sankt-Peterburg. S. 437–455].
- Петракова А.Е.* 2025. Фрагменты краснофигурных аттических чащ из раскопок Пантикалея 1867–68 и 1875 годов в собрании Эрмитажа: мастерская Мастера Йены и Мастер Q // БИ. Вып. L. С. 36–78 [Petrakova A.E. 2025. Fragmenty krasnofigurnykh atticheskikh chash iz raskopok Pantikapeya 1867–68 i 1875 godov v sobranii Ermitazha: masterskaya Mastera Jeny i Master Q // Bosporskie issledovaniya. Vyp. L. S. 36–78].
- Петракова А.Е., Топал Д.А.* 2023. Аттическая краснофигурная пелика из скифского кургана близ моздавского села Манта: проблемы атрибуции и интерпретации изображения // АВ. Вып. 41. С. 227–246 [Petrakova A.E., Topal D.A. 2023. Atticheskaya krasnofigurnaya pelika iz skifskogo kurgana bliz moldavskogo sela Manta: problemy atributsii i interpretatsii izobrazheniya // Arkheologicheskie Vesti. Vyp. 41. S. 227–246].
- Тугушева О.В.* 2023. Мастерская мастера Йены: новые материалы // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2023. № 1. Ч. 2. С. 181–195 [Tugusheva O.V. 2023. Masterskaya mastera Jeny: novye materialy // Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya». 2023. № 1. Ch. 2. S. 181–195].
- Цветаева Г.А.* 1951. Грунтовой некрополь Пантикалея, его история, этнический и социальный состав // МИА. Вып. 19. С. 61–86 [Czvetaeva G.A. 1951. Gruntovoy nekropol' Pantikapeya, ego istoriya, etnicheskiy i social'nyy sostav // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. Vyp. 19. S. 61–86].
- Шкорпил В.В.* 1905. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // Известия ИАК. СПб. Вып. 17. С. 1–76 [Shkorpil V.V. 1905. Otchet o raskopkakh v g. Kerchi i ego okrestnostyakh v 1903 g. // Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii. Sankt-Peterburg. Vyp. 17. S. 1–76].
- Шкорпил В.В.* 1906. Раскопки в Керчи // Отчет ИАК за 1903 г. СПб. С. 43–54 [Shkorpil V.V. 1906. Raskopki v Kerchi // Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1903 g. Sankt-Peterburg. S. 43–54].
- Beazley J.D.* 1963. Attic red-figure vase-painters. 2nd ed. Oxf.
- Boardman J.* 1989. Athenian red figure vases, the Classical period. L.
- Butyagin A.M.* 2022. The Archaic Necropolis of Myrmekion // Connecting the Ancient West and East, Studies presented to prof. Gocha R. Tsetskhladze / J. Boardman, J. Hargrave, A. Avram, A.V. Podossinov (eds.). Vol. I. Leuven-Paris-Bristol. P. 195–204.
- Καθάριου Κ.* 2002 Το εργαστήριο του Ζωγράφου του Μελεάγρου και η εποχή του: Πλαστηρίσεις στην αττική κεραμική του πρώτου τετάρτου του 4ου αι. π.Χ. Θεσσαλονίκη.
- Kathariou K.* 2016. On the quest for the missing link in Late Classical Athenian Kerameikos: A study of the Jena Painter's Workshop // Töpfer – Maler – Werkstatt: Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Orga-

- nisation antiker Keramikproduktion / N. Eschbach, S. Schmidt (Hrsg.). München (Beihefte zum CVA; Bd. 7). S. 149–161.
- Paul-Zinserling V.* 1994. Der Jena-Maler und sein Kreis, Zur Ikonologie einer attischen Schalenwerkstatt um 400 v. Chr. Mainz.
- Robertson M.* 1992. The art of vase-painting in classical Athens. Cambr.
- Sidorova N., Tugusheva O.* 2001. Attic Red-Figured Vases (CVA, Moscow, Pushkin State Museum of Fine Arts, fasc. 5; Russia, fasc. 5). Roma.
- Sparkes B.A., Talcott L.* 1970. The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 12: Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. Princeton (NJ).
- Stephani L.* 1869. Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage, zweiter Theil. St. Petersburg.
- Ure A.D.* 1944. Red-Figure Cups with Incised and Stamped Decoration II // JHS. Vol. 64. P. 67–77.

Поступила в редакцию / Received 02.04.2025.

Принята к публикации / Accepted 18.04.2025.

Опубликована / Published 18.12.2025.

1

2

3

Рис. 1. Чаша инв. № П.1882.25 (ГЭ):
1 – профиль; 2 – сторона А; 3 – сторона Б

1

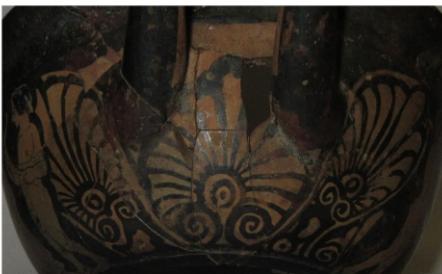
2

3

4

5

6

Рис. 2. Чаша инв. № П.1882.25 (ГЭ): 1 – сторона А;
2 – прорисовка предварительного рисунка на стороне А;
3 – сторона Б;
4 – прорисовка предварительного рисунка на стороне Б;
5–6 – орнаменты под ручками

1

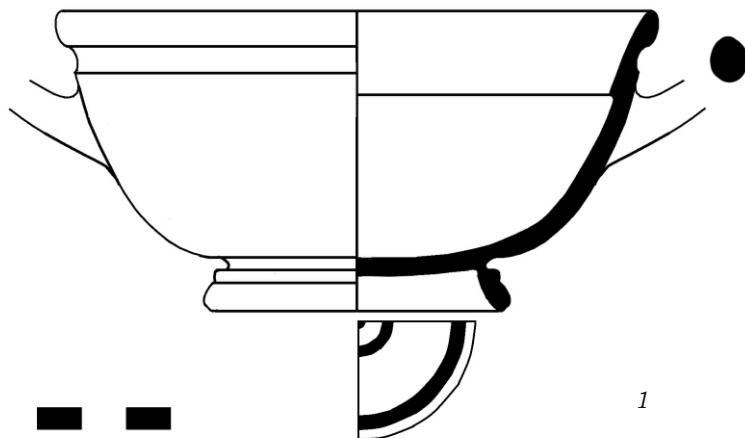

2

3

Рис. 3. Чаша инв. № П. 1882.25 (ГЭ): 1 – вид сверху;
2 – штампованный медальон А; 3 – роспись донца снаружи

1

2

3

Рис. 4. Чаша инв. № П.1903.142 (ГЭ): 1 – профиль;
2 – сторона А; 3 – сторона Б

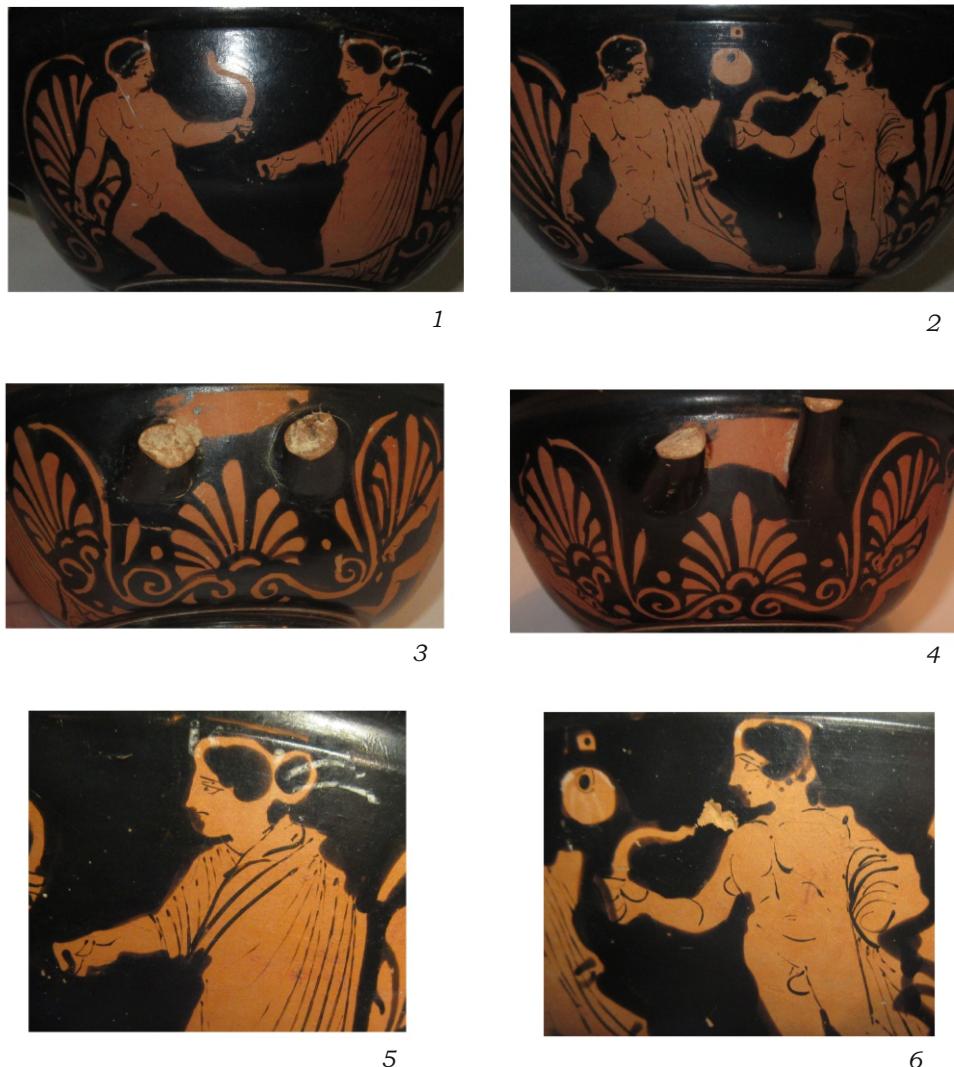

Рис. 5. Чаша инв. № П.1903.142 (ГЭ): 1, 5 – сторона А;
2, 6 – сторона Б; 3–4 – орнаменты под ручками

1

2

3

Рис. 6. Чаша инв. № П.1903.142 (ГЭ): 1 – вид сверху;
2 – штампованный медальон А; 3 – роспись донца снаружи